

Москва, июль, август - 2003 - 9 реп. - 0.4.

— Выбери, с кого начнем.
— Главное, ты спрашивай.
— Начнем с короля, а точнее, его необычного грима. Как пришла идея сделать Лира силиконовым?

— Идея родилась из разговоров с режиссером Володей Мирзоевым. Нам хотелось, чтобы этому персонажу было лет триста, чтобы он был не просто старым, а древним ископаемым существом. Мы искали внешние средства и понимали, что грима нам будет недостаточно. Когда остановились на маске, сразу стало понятно, что ее нам может сделать только один человек, уникальный мастер и фантазер Петр Горшеннин. Он уже состаривал меня в фильме "Театральный роман" для роли старухи.

— Когда ты увидел такой грим от Франкенштейна, ты не вздрогнул?

— Нет, я не вздрогнул. Даже как-то, наоборот, оживился. Мне это только прибавило сил и фантазии.

— И, естественно, возникает вопрос — не жарко? Полтора часа под "загипсовкой", то есть силиконовкой... Может, больно лицу артиста, мокро, грязно?

— На сцене я этого не чувствую. Конечно, физический дискомфорт есть, но он ничто по сравнению с теми возможностями, которые эта маска может давать.

— Во втором акте ты работаешь без грима. Тебе комфортнее с собственным лицом или искусственным?

— Я бы так не ставил вопрос. В спектакле оба этих состояния, с маской и без нее, не случайны и органично взаимосвязаны. Тот разбор пьесы, который мы сделали, я очень хорошо воспринял. И понимаю, что второй акт мне уже ни в коем случае нельзя играть в маске. И так же мне ее очень сильно бы не хватало, если бы не было в первом.

— Ты — популярный актер, удачливый бизнесмен, состоятельный человек, то есть в определенном смысле — король. Мне кажется, что этого героя тебе легче понять, чем другому актеру. Или я ошибаюсь?

— Я думаю, нет рецептуры постижения феномена абсолютной власти. Я уже играл Петра Первого, у которого власти было не меньше, чем у короля Лира, и мне кажется, здесь дело в том, насколько ты сам сможешь нафантазировать и погрузиться в понимание этого состояния — когда над тобой никого нет. И каково это — лишиться своей вседозволенности, потерять все. Такие ощущения сродни детским, когда у ребенка вдруг отбирают навсегда то, что он считал своим, своей чудо-вещью. Реакция на это — растерянность. А то, что я "популярный актер и т.д.", здесь совершенно ни при чем.

— Но согласишься, бедному актеру очень трудно сыграть богатого, даже при всем богатстве его фантазии вранья будет немерено.

— Не думаю. Мы мало, например, знаем, что из себя представляют инопланетные существа, но всячески их фантазируем. И вот тут возникает вопрос талантливого фантазирования или такого, средненького. И в первом случае чистейшая выдумка может стать настолько яркой и убедительной, что в нее поверят миллионы. А если не фантазировать или делать это кое-как, то как же поддерживать разговор о том, что с нами будет, например, через тысячу лет? Останутся ли люди и какими они будут? Может, через тысячу лет возникнет некое третье существо, о котором мы сейчас не подозреваем? Может, исчезнут мужчины как вид, а останутся одни женщины. Ведь такое возможно...

— Не говори так, мне больно.

— Почему? Женщины ведь вряд ли исчезнут.

— Какие основания у тебя так считать?

— Ну, мне кажется, что женщина себя сейчас гораздо вольнее чувствует и вооружилась всем тем, что ей раньше было недоступно. Женщины начали штурмовать все территории, на которых еще недавно сидели и умствовали мужчины, а сейчас они падают и проигрывают женщинам. И самое хитрое то, что это не война мужчин, она не лобовая и не захватническая, это медленный процесс, постепеннодвигающийся мир к матриархату.

— Ты сожалешь об этом? Тебя устроит такая ситуация?

— Я не сожалею. Я даже рад тому, что таким, какой я сейчас, я в ней просто не успею оказаться.

— Представляешь — приходит тенька на сцену Вахтанговского театра и говорит: "Ну-ка, отдавай роль Лира".

— Я думаю, что такое вполне возможно.

Просто Макс. ПРОСТО ЛИР

МАКСИМ СУХАНОВ: "КОГДА НА МЕНЯ НАДЕЛИ ГРИМ ЛЕНИНА, ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО Я НА НЕГО ПОХОЖ"

Сенсацией минувшей недели стал премьерный спектакль Вахтанговского театра "Лир" и исполнитель заглавной роли в нем — Максим Суханов. На сцене Макса не узнать — так необычен грим. И так необычна его игра. Правда, мало кто знает, что в этом сезоне Лир — третий великий старец в его актерском портфолио. До короля-изгнанника он сыграл самого Станиславского (телефильм "Театральный роман", телеканал "Культура") и Ленина (фильм "Русская народная почта"). Три возрастные роли, три великих персонажа, и все — в гриме... Такое совпадение не случайно — эту точку зрения вместе с обозревателем "МК" Мариной РАЙКИНОЙ разделяет и Максим СУХАНОВ.

Сцена из спектакля "Лир".

И грим у нее уже будет свой. Если серьезно, мне интересно об этом только рассуждать и фантазировать.

— Пока этого ужаса не произошло и у тебя женщины не отняли роль, скажи, ты примеряешь ситуацию с Лиром, которая может произойти со всяким, на себя — все потерял, изгнан, близкие предали?

— Я так не думаю никогда, когда берусь за роль. Я, скорее, думаю о том, как бы мне на период репетиций и тем более спектакля оказаться как можно ближе к этой ситуации всем своим существом. А это возможно для меня в том случае, если задания режиссера будут восприниматься не мной 39-летним, а мной ребенком. В этом случае я могу ока-

заться в чрезвычайно питательной и благоприятной для себя среде, наполненной звуками и запахами из детства. Например, запахом свежесваренного супа, в котором мы жили на Никольской улице. Каких-то красок, цветов или черно-белых картинок старого кино. И эта чувственная информация прошлого помогает мне в настоящем.

— Очень важный вопрос: во время репетиций над такими ролями, как Лир или Сирано де Бержерак, ты уходишь из бизнеса, не занимаешься делами?

— Нет, я бы так не сказал. Если мы разделим день на часы и минуты, то все равно каждому делу достанется определенное количество часов и минут. Главное, не нужно

дела смешивать. Если ты сейчас занимаешься тем, что называется репетиция или спектакль, то ты исключительно посвящаешь себя этому. Все остальное ждет.

— Здорово. Но если до этого тебе сообщили, что потерял в деле крупную сумму денег, а делу этому ты посвятил много лет, можно сказать, кровь проливал. Ты тоже абстрагируешься?

— Я думаю, все зависит тогда от устойчивости собственной нервной системы. Пока мне удастся те дела и новости, которые не граничат с трагедией, а относятся к разряду житейских неприятностей, на эти три часа спектакля просто забыть.

— Для этого ты занимался аутотренингом или специальными упражнениями?

— Я занимался и продолжаю заниматься, но это, я думаю, скорее подспорье к основной установке, но ни в коем случае не главное условие. Здесь так много всего имеет значение: вот я возвращаюсь домой вечером, и мне там хорошо, а в течение дня я на подсознательном уровне знаю, что я туда вернусь и мне будет хорошо. Это же тоже установка, возможно, одна из главных.

— Какая твоя любимая сцена в "Лире"?

— Мне очень нравятся две финальные сцены, когда я выхожу с тазиком, и вторая, когда я уже выхожу с Корделией. Они полярны всему тому, что происходит до этого на сцене, и эта полярность меня будоражит.

— Думал ли ты о том, что сыграешь Станиславского в "Театральном романе"? Обидно, что этот замечательный телевизионный проект прошел как-то незаметно.

— Картина еще пойдет, говорят. Конечно, я не представлял себе, что ночью ко мне придут два режиссера и сообщат, что я буду Константином Сергеевичем. Я сразу согласился. Мне было лестно, что мне предложили две такие роли — Бомбардова и Станиславского, и было в удовольствие работать с Юрой Гольдиным и Олегом Бабицким.

— Но грим у тебя... стопроцентное портретное сходство со Станиславским. Такое ощущение, что его добивались очень долго, часами прорисовывали.

— Как-то так получилось: мне надели парик, пенсне, приклеили усы, и я уже стал на него похож. Больше ничего не делали. Надо сказать, что у меня нет ничего общего и с Лениным, но я сыграл его в фильме Володи Мирзоева "Русская народная почта" вместе с Михаилом Александровичем Ульяновым и Галей Тюниной. Галя играла королеву Елизавету, а я — Ленина. И опять — когда на меня надели грим Ленина, оказалось, что я на него похож.

— Вот видишь, у тебя три старика и одна старуха. Это значит, в свои 39 лет ты перешел уже на возрастные роли?

— Думаю, что это все-таки несколько интересных предложений, которые пришли на один период времени. Куда я перешел, когда и какой будет следующая работа, я не знаю. Думаю, потребуется немалый период, чтобы после "Лира" восстановиться и выйти в новое плавание.